

Носиров О.Т.

Бухарский государственный университет

(Узбекистан)

**Универсальные (общечеловеческие) и национально-специфические
средства выражения концептосферы «времени года» в русской
и узбекской языковых картинах мира**

*концептосфера, когнитивный признак, оценочное поле, ядро, периферия
концепта, базовый код*

В современной сопоставительной лингвистике изучению концептов уделяется особое внимание, что делает возможным, используя накопленные данные, структурировать концепты и сопоставлять их, исследуя в их наполнении общечеловеческие (общемировые) и национально-специфические характеристики с помощью приемов и методов сопоставительной лингвистики. Еще Л. В. Щерба придавал большое значение сравнительному изучению языков для лучшего понимания своего собственного [Щерба, 1974, с. 101].

Применение методов сопоставительной лингвистики, то есть составляющих концептосферы времени года (концепты зима, лето, весна и осень) на материале разноструктурных языков – русского и узбекского, позволяет выявить и обнаружить сходства и различия содержания концептов. Поскольку в целом, в рамках сопоставительной лингвистики выясняется общее и различное в наборе и количестве единиц, составляющих ту или иную подсистему, выявляется ядро и периферия подсистем сравниваемых языков. При таком подходе применяется сравнение одновременно двух или нескольких языков, при этом одинаково важны как сходства, так и различия. [Стернин, 2007, с.13–15; Францева, 2012, с.128].

К числу общечеловеческих (общемировых) характеристик концептов зима и лето концептосферы «времени года», относятся наиболее древние (архаические) когнитивные слои в значении концептов, в основании которых лежит система наблюдений древних людей и их поведенческих реакций на природно-климатические условия. Так, например, определение «самое холодное время года» или «период года, следующий за осенью и предшествующий весне» можно применить к словарному определению зимы как в русском, так и в узбекском языке: см. например, «самое холодное время года, следующее за осенью» [Ожегов, 1983, с. 206] и «Йилнинг куздан кейин келадиган совук фасли» [ЎТИЛ,

1981, с. 253]. А такие характерные погодные явления, связанные с зимой на территории евразийского пространства, как холод, снег, снегопад, мороз, укороченный световой день, и сопутствующие им значения, позволяющие создание метафор со словом зима (как например: голод, замерзание, смерть, тьма, зло, старость), одинаково присутствуют, и/или могут метафорически (или контекстуально) присутствовать как в русском, так и в узбекском концептах «Зима».

Словарные определения лета в русском и узбекском толковом словарях также практически идентичны: «Самое теплое время года, следующее за весной» [Ожегов, 1983, с. 285] и «Йилнинг баҳор билан куз орасидаги энг иссиқ фасли» [ЎТИЛ, 1981, с. 253]. Оба определения подчеркивают характерное погодный признак – «самое теплое время года», а в значениях концепта как в русском, так и в узбекском языке встречаем такие общие значения как жара, отдых и каникулы.

Отметим, что реальные, прагматические значения концептов зима и лето, связанные с состоянием природы, погоды и температуры, относятся к глубинным когнитивным слоям концептов, так как они отражают опыт Homo sapiens, восходящий к архетипическим, древнейшим представлениям, основанным на опыте познания окружающего пространства и действительности и выживания в них. Древние люди, чтобы выжить, должны были быть очень наблюдательны, поэтому циклические изменения в природе они заметили очень рано. Свои наблюдения, знания они фиксировали в астральных рисунках, которые отражали довольно сложные закономерности поведения Луны и Солнца [Найдыш 2002, с. 47]. Такие наблюдения носили практический характер и были связаны с коллективной хозяйственной деятельностью человека. Подобного рода наблюдения и представления соотносимы с базовыми кодами культуры, в них фиксируются представления о мироздании. Базовые коды культуры прослеживаются в базовых оппозициях, к которым относятся оппозиции «верх – низ», «далеко – близко», «хорошо – плохо», «свой – чужой», и некоторые другие [Красных, 2003, с. 375]. К ним можно отнести пару «зима – лето», противостояние которой отражается в фольклоре: пословицах, поговорках и загадках, в которых мироощущение зимы – это плохо, сопоставимо с угрозой жизни – холод, голод, смерть, опасность и др.; мироощущение лета – хорошо, солярность, дары природы, и благоприятный период для тяжелой изнуряющей работы по подготовке к выживанию зимой. Таким образом, два этих времени года превращаются в концептуальную

оппозицию «зима-лето». Например, в русском языке: *Лето работает на зиму, а зима на лето, Что летом родится, зимой пригодится; Летом не соберешь - зимой не найдешь; Будет зима — будет и лето; Готовь сани летом, а телегу зимой; Лето пролежишь, зимой с сумой побежишь; Летом нагуляешься, зимой наголодаешься; Летом не вспотеешь, так и зимой не согреешься*. В узбекском языке: *Қиш ғамини ёз ўйла* – О зиме заботься летом; *Ёз ғамини қишда, қиш ғамини – ёзда* – Заботься о лете зимой, о зиме – летом; *Ёзда ёзиласан, қишда йиғиласан* – Летом все разложишь, зимой все подберешь.

Таким образом, как и в русском, так и в узбекском языке, несмотря на языковое оформление, то есть структурные различия между славянским и тюркским языками, прослеживается схожесть отображения в языке оппозиции концептов «зима-лето», отражая, тем самым, схожесть когнитивных процессов древних людей, то есть схожесть миропонимания и мироосмысления нашими предками фрагментов окружающей действительности (коллективное бессознательное, согласно термину, предложенному К. Юнгом). В языковой системе такие концептуальные оппозиции представлены в качестве изолированных антонимических пар, не связанных отношениями полисемии или синонимии с другими словами, выраженных однозначными словами, противопоставленными друг другу. Так, антонимическую пару зима (самое холодное время года) и лето (самое теплое время года) наблюдаем как в русском, так и в узбекском языках [Введенская, 2006, с. 360; Рахматуллаев, 1992, с. 305], и подобная пара в русском и узбекском языках проявляет максимальное сходство, как по семантике так и по структуре [Мамасолиев, 2011, с.17]. Также в русском и в узбекском языках, в плане темпоральных установок, концепт «Зима» и концепт «Лето» отражают линейную концепцию времени, то есть зима и лето противостоят друг другу, но не следуют друг за другом; их повторяемость циклична согласно ходу четырех времен года.

Учитывая, что языковые проекции коллективного бессознательного, в данном случае концептуальная оппозиция «зима-лето», не имеют кровной и расовой наследственности, а принадлежат человечеству в целом, можно заключить, что в глубинных, или базовых когнитивных слоях концептов зима и лето как в русском, так и в узбекском языках, содержится единая для всего человечества, общая целостная и идентичная основа.

Дальнейшее развитие человечества, смена исторических, социальных и культурных реалий работали на привнесение дополнительных слоев – смыслов и значений в концептах зима и лето в целом и в частности: например,

празднование Нового года 31-го декабря на 1 января, и связанные с ними реалии и праздничные традиции. Поскольку эта традиция, по сравнению с территорией России, появилась на территории Центральной Азии сравнительно недавно, в начале XX века, то связь данного явления с концептом зима в русском языке исторически «старше», на более чем 200 лет, чем в узбекском языке, поскольку в России данный праздник празднуется с 1700 года, согласно указу Петра I о реформировании календаря. До Петра I новый год наступал в начале сентября, а до указа от 1492 года царя Ивана III – в марте, то есть согласно календарным ритмам солнечного календаря, сохранявшимся с дохристианской, языческой эпохи. Отметим, совпадение древнерусской традиции отсчета нового года в марте по солнечному календарю: она совпадает с традицией празднования Навруза в марте у иранских и тюркских народов, также по астрономическому солнечному календарю. Однако если после исторических государственных реформ в лингвокультурном пространстве русского языка празднование Нового года «закрепилось» на даты 31-го декабря на 1 января, то в центральноазиатском регионе, в лингвокультурном пространстве тюркских языков в целом, и узбекского языка, в частности, к началу XX века сосуществовали традиции отсчета нового года по лунному календарю (мусульманский календарь, «плавающая» дата) и по солнечному календарю – Навруз. В XX веке к ним добавилось празднование нового года и по западному стилю. На сегодняшний день, в XXI веке, в связи с возрождением мусульманских традиций в рамках светского государства, в лингвокультурном пространстве узбекского языка наблюдается уникальное явление – новый год здесь ассоциируется с тремя явлениями: «зимний» Новый год, новый год по лунному мусульманскому календарю, и «весенний» национальный новый год по солнечному календарю – Навруз. Тем самым, подчеркивая, что концепт «Зима» в русской языковой картине мира и в узбекской языковой картине мира – явления, хоть и имеющие ряд схожих характеристик, но, тем не менее, не одинаковые, а уникальные в своей национальной специфичности.

В отличие от рациональной оценки глубинного слоя концепта (объективная оценка окружающей действительности, явления), в периферийных слоях значений концептов зима и лето доминирует эмоционально-ассоциативное начало (субъективная оценка окружающей действительности, явления), тесно связанное с оценочностью. «Оценочность, представляемая как соотносительность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами человека, не составляет двух разных

компонентов значения, они едины. Оценка как бы впитывает в себя соответствующую эмоцию...» [Лукьянова 1986, с. 11]. Положительная оценка связана с одобрением, восхищением и т. п., отрицательная оценка – с неодобрением, негодованием и т. п.). Отсюда проистекают и определенные психообразы зимы и лета в сознании носителей русского языка и узбекского языка. Н.В. Красовская и В.И. Драчук в своих исследованиях определяют это как традицию национального употребления данного концепта [Красовская 2009, с. 22; Драчук, 2013].

Таким образом, в каждом концепте, составляющем концептосферу «Времена года» в целом, и в концептах «Зима» и «Лето» в частности, можно выделить базовое и национально-специфическое содержание.

Национально-специфическое содержание концептов «Зима» и «Лето» в русской и узбекской языковых картинах мира связано, в первую очередь, с климатическими особенностями и культурно-ценностными доминантами русской и узбекской культур; их этнокультурные отличия проявляются в дополнительных когнитивных признаках концептов на семантическом, образном, понятийном, ассоциативном и символическом уровнях. Интенсификация межкультурных и межсоциальных контактов в современную эпоху, максимально эффективно воздействует на изменение и расширение дополнительных когнитивных признаков концептов зима и лето, при сохранении схожести их базового, древнего слоя, в каждом из описываемых языков.

Литература:

1. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка (около 500 антонимических гнезд). М.: Астрель АСТ, 2006. 360 с.
2. Драчук В.И. Концепт «зима» в русской поэтической картине мира (на материале русской лирики XIX века) // Молодежь и наука: сборник материалов IX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярска. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section086.html> (дата обращения 03.04.2023).
3. Красовская Н.В. Художественный концепт: методы и приемы исследования // Известия Саратовского университета. 2009. Выпуск 4. С. 21–25.

4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. С. 375.
5. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1986. 40 с.
6. Мамасолиев И.У. Антонимические группировки в русском и узбекском. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент: Узб. гос. ун-т мир-х языков: 2011. 17 с.
7. Найдыш В.М. Философия мифологии: от античности до эпохи романтизма. М.: Гардарики, 2002. 47 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус яз. 1983. 797 с.
9. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: Восток-Запад, 2007. 11 с. 282 с.
10. Рахматуллаев Ш. и др. Ўзбек тилиантонимларининг изоҳли луғати. Т.: Ўқитувчи, 1992. 305 с.
11. Францева А.И. К вопросу о лингвокультурологических исследованиях и их основных методах (на примере концепта *башня* в русском, чешском и английском языках) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер. Филология. 2012. № 4. Т. 1. С. 147–150.
12. Щерба В.Л. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.; Л.: Высшая школа, 1974. 101 с.
13. Ўзбек тилининг изоҳли луғати: Икки томли, 60000 сўз ва бирикма / С.Ф. Акабиров, Т.А. Алиқулов, С.З. Зуфаров ва бошқ.; Э.М. Маъруфов таҳрири остида. М.: Русский язык, 1981. Т. 2. 253 с.